

В. А. СУРОВЦЕВ

**«Важная бессмыслица: Ф. П. Рамсей
и практическая философия Л. Витгенштейна**

Радикальное изменение взглядов Витгенштейна основано на том, что логический анализ языка как такового, представленный в «Логико-философском трактате», сменяется анализом практик употребления реального языка в «Философских исследованиях». Мотив такого изменения, означавшего поворот от логического анализа языка к философии лингвистического анализа, лучше всего описывает сам Витгенштейн: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием (ведь кристальная чистота логики оказывается для нас *недостижимой*, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требование чистоты грозит превращением в нечто пустое. — Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно *трение*. Назад, на грубую почву!»¹ В этом тезисе выражены основные элементы изменения ракурса философского рассмотрения. Логическое теоретизирование заменяется практикой исследования обыденного словоупотребления. На смену чистоте теории приходит философия в ее практическом применении.

Подобного рода изменения, где абстрактное философское теоретизирование, ориентированное на достижения формальной логики, сменяется исследованием практик употребления реального языка, ставит вполне резонный вопрос: Что послужило источником такого изменения? Почему предмет философии и са-

---

¹ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 126.*

ма философия стала пониматься не так, как она есть, казалось бы в абсолютно завершенной системе «Трактата», где все основные философские проблемы, как считал Витгенштейн, «по существу решены окончательно»?² Основной вопрос об эволюции философских взглядов Л. Витгенштейна как раз и заключается в коллизии между тем, что теоретически («Логико-философский трактат») решены все проблемы, и тем, что ни одна проблема практически («Философские исследования») не решена. Решение проблем теоретически само по себе очень важно, поскольку приводит к общему видению, но без практического применения оно не имеет значения. Прояснению этой коллизии должно способствовать исследование тех взглядов, которые оказали взаимное влияние. Это влияние должно учитывать сдвиг философии Витгенштейна с решения вопросов теоретической философии, где под теоретической философией понимается доктрина правильного знания, на практическую философию, где под практической философией понимается доктрина правильного действия.

Нужно сказать, что изменение взглядов Витгенштейна на роль философии, с ее чисто теоретической функции, где сама философия являлась лишь способом ограничения способов выразить мысль, на приписывание философии сугубо практической функции прояснения способов действия в рамках определенных социальных практик требует пояснения вопроса о том, что такое сама философия. Вопрос о соотношении теоретической и практической философии является, таким образом, очень важным. Каким образом теоретическая философия «Трактата» становится практической философией «Философских исследований», конечно, требует прояснения. Сам Витгенштейн указывает на мотив подобного рода изменений в предисловии к «Философским исследованиям», отмечая роль оказавших на него влияния коллег. Особая фигура среди повлиявших — это, конечно, Ф. П. Рамсей. Сам Витгенштейн дает повод для того, чтобы считать это влияние достаточно важным. В предисловии к «Философским исследованиям» он указывал, что изменение его ранней точки зрения, выраженной в «Трактате», в значительной степени связано именно с ним: «Вновь занявшись философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать, что моя первая книга содержит серьезные ошибки. Понять эти ошибки — в той мере, в какой я сам едва ли смог бы это сделать, — мне помогла критика моих идей Фрэнком Рамсеем, в бесчисленных беседах с которым я обсуждал их мно-

---

² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+. 2008. С. 34.

жество раз в течении двух последних лет его жизни»³. В текстах Витгенштейна не найти отчетливой формулировки, в чем именно заключалось это влияние. В редких исследованиях, посвященных этому вопросу, влияние Рамсея касается изменения взглядов на проблемы, касающиеся теоретической философии. Однако, каким образом критика Рамсея привела Витгенштейна к пониманию философии как к практической деятельности по анализу языковых практик, — это вопрос в значительной степени все еще открытый. В этом ракурсе интересно рассмотреть, в каком именно смысле Ф. П. Рамсей оказал влияние на изменение понимания у позднего Витгенштейна методологического значения философии.

Философию раннего Витгенштейна вряд ли понимал кто-нибудь лучше, чем Рамсей. Об этом свидетельствует ряд моментов. В 1922 г. была опубликована двуязычная (немецкий оригинал с английским переводом) версия «Трактата» Л. Витгенштейна, где одну из основных ролей сыграл Ф. П. Рамсей. Первоначально за перевод взялся К. С. Огден, у которого не вполне получалось передать на английском языке филигранно отточенный афористичный текст. Тогда он предложил поучаствовать в этом предприятии Рамсею, и работа пошла⁴. В окончательный вариант перевода помимо Огдена некоторые правки вносил и Б. Рассел, но Рамсей, несомненно, проделал основную работу, подготовив первый вариант.

В октябре 1923 г. в журнале *Mind* вышла рецензия Рамсея на «Трактат», которую многие исследователи до сих пор считают одной из самых авторитетных и проницательных интерпретаций некоторых идей «Трактата». В частности в ней впервые указано, что у Витгенштейна речь идет о любом языке, а не только об идеальном, как считал Б. Рассел.

Летом 1923 г. Рамсей встречался с Витгенштейном в местечке Пухберг, недалеко от Вены, где в этот момент Витгенштейн работал учителем в деревенской школе. На протяжении двух недель последний разъяснял первому, что те места своей работы, которые остались для Рамсея не вполне понятными. Отметим, что эти беседы не нашли отражения в рецензии, поскольку она была подготовлена раньше. О характере этих бесед Рамсей так сообщает в письме домой: «Он готов проводить четыре или пять часов в день, объясняя свою книгу. За два дня я проработал семь

³ Там же. С. 78.

⁴ Меллор Д. Х. Фрэнк Пламптон Рамсей // Рамсей Ф. П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 340.

из восьмидесяти страниц. Он уже дал ответ на мои главные затруднения, которые озадачивали меня в течении года и которые приводили меня в отчаяние»⁵. Эффективность этих бесед со стороны Рамсея привела к тому, что Витгенштейн учел некоторые сомнения и замечания Рамсея и внес отдельные правки во второе издание «Трактата».

Взгляды, выраженные Витгенштейном в «Трактате», оказали сильное влияние на ряд работ Ф. П. Рамсея. Особенно это касается статей 1925–1926 гг., посвященных основаниям математики и математической логике, где он, используя положения теоретической философии «Трактата» пытается улучшить и развить программу логицизма в основаниях математики. На основании разработанной Витгенштейном теории логических предложений, которые ничего не говорят о мире, но являются частью символизма, Рамсей стремится реформировать ряд положений, предложенных Уайтхедом и Расселом в *Principia Mathematica*, которые вызывают сомнения в своем логическом характере. Прежде всего, это касается аксиом сводимости, бесконечности и мультипликативности. Используя витгенштейновское понятие тавтологии, Рамсей модифицирует то, что считать предложениями математики и дополняет критерий общности, предложенный Расселом, критерием тавтологичности, разрабатывая, таким образом, понятие математической тавтологии. Это понятие позволяет Рамсею улучшить программу логицизма в существенных чертах, который часто вызывали ее неприятие.

Разрабатывает Ф. П. Рамсей и другие идеи «Трактата». Например, ориентируясь на понимание факта как констелляции объектов, он переформулирует проблему соотношения универсалий и партикулярий, указывая на возможность амбивалентной трактовки этих понятий, поскольку их статус зависит от того, каким образом истолковать логическую форму выражающего факт предложения. В этом случае все будет зависеть от того, что мы трактуем как функцию, а что как аргумент. Кроме того, предложенная Рамсеем так называемая дефляционная трактовка истины (т. е. трактовка, настаивающая на принципиальной устранимости понятия истины из любых контекстов), очевидно, связана с концепцией различия сказанного и показанного, которая является центральной логико-семантической концепцией «Трактата», что имеет следствием невозможность метаязыка, а семантическое понятие истины относится именно к метаязыковому уровню.

---

⁵ Там же. С. 341.

Сложнее обстоит вопрос об отношении Рамсея к тому, что можно считать практической философией Витгенштейна времен «Трактата», а она там безусловно есть. И даже составляет ее значительную, если не самую важную, часть, как считал Витгенштейн. Об этой части своей философии он, к примеру, следующим образом сообщает в письме к Л. Фиккеру, характеризуя общую цель «Трактата»: «Смысл книги — этический... Моя работа состоит из двух частей: из той, что имеется здесь в наличии, и из той, что я *не* написал. И как раз эта вторая часть более важна. А именно, посредством моей книги этическое ограничивается как бы изнутри; и я убежден, что *оно* строго ограничивается *только* так. Короче, я думаю: Все то, о чем многие сегодня *болтают*, я устанавливаю в своей книге тем, что я об этом молчу»⁶. В «Трактате» Витгенштейн отдает предпочтение исследованию логике языка, которая показана всеобщей и необходимой природой знаков. Этику в этом смысле выразить невозможно. Своеобразие этического указывается только косвенно, когда в знаковой системе устанавливается граница, которая непреодолима в силу того, что ценности не могут быть выражены в языке. Ценности могут только переживаться при восприятии мира как органического целого. В этом отношении этические аспекты философии «Трактата» сильно отличаются от того, что со времен И. Канта было принято понимать как практическую философию, а именно, как исследование принципов разумного основания социального взаимодействия. Но в этом и заключается своеобразие практической философии Витгенштейна, которая принципиально выводится за пределы рассудочного обоснования в сферу мистического переживания, в сферу того, о чем говорить невозможно в силу ограниченности ресурсов языка.

Несмотря на то, что Рамсей в своих статьях 1925–1926 гг. касается многих теоретических аспектов философии «Трактата», которые относятся к логике языка и мира, вопросы практической философии Витгенштейна здесь совершенно не затрагиваются. Рамсей развивает целый ряд отдельных положений, касающихся проблем логики, оснований математики, а также онтологии, но в этих работах не найти проблем этики и практического действия. Это относится и к его рецензии на «Трактат», где в основном рассматриваются вопросы, относящиеся к теоретической философии, т. е. тех разделов, которые относятся к логике и производной от нее онтологии. Даже в вопросе о мистическом,

---

⁶ Витгенштейн Л. Из писем Витгенштейна к Л. Фиккеру // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+. 2009. С. 318.

который при рассмотрении философии Витгенштейна невозможно обойти, Рамсей ограничивается в основном рассмотрением тех аспектов, которые связывают форму факта и форму предложения, т. е. в основном уделяет внимание мистическому как характеристике формы отображения, а не как тому, что придает миру смысл. В этом отношении Рассел, например, в своем введении к «Трактату» гораздо больше уделяет место вопросам практической философии вообще и этике в частности, когда говорит, что «весь предмет этики м-р Витгенштейн помещает в область мистического, невыразимого. Тем не менее он способен выражать свои этические взгляды. Он возразил бы, что то, что он называет мистическим, может быть показано, хотя и не может быть сказано»⁷. Нельзя, однако, утверждать, что Рамсей прошел совершенно мимо этой проблемы.

В рецензии на «Трактат» у него есть совершенно замечательная фраза, которая демонстрирует, что он не только более адекватно понял общую задачу Витгенштейна, нежели Рассел, поскольку, в отличие от последнего, связывал ее не с идеальным языком, а с языковой практикой вообще. В целом он и мистическое трактовал в гораздо большем соответствии с духом Витгенштейна. В отличие от Рассела, который считал, что концепция мистического в «Трактате» вытекает из того, что «мир есть совокупность фактов, а не предметов»⁸, Рамсей однозначно связывает мистическое с переживанием, а не с рациональным объяснением, когда говорит: «Мистическое чувство есть чувство, что мир — это не все, что существует нечто вне его, его “смысл” или “значение”»⁹.

Подобное понимание, вероятно, было основным для Рамсея при интерпретации практической философии «Трактата». И если он к нему не обращается в статьях 1925–1926 гг., то это, видимо, связано только со спецификой интересовавших его в это время теоретических тем. Действительно, опубликованные работы Рамсея этого периода далеко отстоят от проблем этики и практического действия. Однако это не означает, что он не придерживался или даже не вполне уяснил этическую концепцию Витгенштейна. Есть ряд текстов Рамсея, которые не были опубликованы при его жизни, но они вполне дают представление

⁷ Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+. 2008. С. 29.

⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 36.

⁹ Рамсей Ф. П. Критические замечания о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Рамсей Ф. П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 336.

о его понимании практического. К этой теме он обращается, например, в докладе 1925 г., сделанном для общества «Апостолы», весьма популярном в Кембридже содружестве ведущих ученых, где высказывает идеи, вполне родственные аналогичным идеям «Трактата» и с прямой отсылкой к «витгенштейновскому взгляду на философию, что философия не дает нам убеждений, но просто облегчает чувство интеллектуального дискомфорта»¹⁰.

В этом тексте рассуждения Рамсея совершенно созвучны мыслям раннего Витгенштейна о переживании мира как органического целого. Именно такое переживание сообщает миру ценность и отличает мир счастливого человека от мира несчастного. Найти ценность в рамках самого мира, обосновывая поиски рациональными аргументами — это пустая затея. Ценности не выражаются в отдельных положениях, касающихся убеждений о содержании мира. Все это касается рационального знания и не может влиять на смысл человеческого существования. Сами по себе факты не обладают ценностью, а научные теории, какими бы они интересными не были, не сообщают дополнительного измерения ценности человеческой жизни. Рациональное выражение жизненной установки не воздействует на качество самой жизни. Окружающие человека факты действительности, являющиеся предметом рационального описания, не оказывают влияние на содержание его переживаний. Как говорит Рамсей: «Я отличаюсь от некоторых своих друзей в том, что придаю малое значение физической стороне. Я не чувствую ущербность перед величием небес. Звезды могут быть большими, но они не способны мыслить или любить; и эти качества впечатляют меня гораздо больше, чем размер. Меня не убеждает вес в сто килограмм»¹¹. <...>

Тем не менее, отношение Ф. П. Рамсея к практической стороне философии Витгенштейна нельзя охарактеризовать однозначно. Во всяком случае, здесь речь не идет о пиетете ученика перед учителем. Философия, видимо, должна иметь практическое значение в том смысле, что она дает некоторое руководство к теоретическому исследованию. Здесь интересно уже замечание Рамсея о Витгенштейне, относящееся к 1924 г., на которое ссылается Н.-Э. Салин: «Он не слишком хорош для моей работы»¹².

¹⁰ Рамсей Ф. П. Эпилог // Рамсей Ф. П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 308.

¹¹ Там же. С. 308.

¹² Sahlin N.-E. "He Is No Good for My Work": On the Philosophical Relations between Ramsey and Wittgenstein // Knowledge and Inquiry: Essays on Jaakko Hintikka's Epistemology and Philosophy of Science. Rodopi: Amsterdam. 1997. С. 64.

Учитывая то, что в это время Рамсей работал над проблемами теоретической философии, это, видимо, следует понимать в том смысле, что исследования, проходящие по разряду философских, должны иметь какое-то значение и каким-то образом должны учитываться в качестве ценных в рациональном исследовании практических действий. А отсюда должна получить правильное значение и практическая философия. Стремление к осмыслению практической стороны философии, а, тем самым, к критической установке в отношении к философии «Трактата», в определенном смысле определило исследования Ф. П. Рамсея относящиеся к последним годам его жизни, о которых в предисловии к «Философским исследованиям» говорит Витгенштейн.

Широко известно высказывание Рамсея, относящееся к 1929 г., которое часто употребляется при его оценке мистической стороны «Трактата»: «Но то, что мы не можем сказать, мы не можем сказать и также не можем просвистеть»¹³. Хотя это высказывание должно пониматься в более широком контексте теоретических проблем, разрабатываемых Рамсеем в этот период, она, несомненно, прямо связана с концепцией невыразимого Витгенштейна.

В 1927–1929 гг. взгляды Рамсея существенно меняются. Эти изменения связаны с его переходом на общефилософскую точку зрения прагматизма, что было обусловлено влиянием работ Ч. С. Пирса, и сближением с позицией умеренного интуитионизма Г. Вейля в основаниях математики. Эти изменения существенно сказываются на понимании того, что представляет собой философия вообще и практическая философия в частности.

По мнению, например, Н.-Э. Салин, в это время Рамсей в общем осознал бесперспективность подхода Витгенштейна к философским проблемам и считал, что для его исследований Витгенштейн совершенно не подходит, судя по характеру проблем, которыми Рамсей в это время занимался. Именно к этому времени относятся разрабатываемая им концепция субъективной интерпретации вероятности, в основании которой лежит представления о действиях, к которым ведут наши убеждения. В этом отношении измерение степени убежденности может рассматриваться с точки зрения готовности заключить пари, а в основании подобного рода вычислений лежит теория вероятности. Последняя в данном случае рассматривается как совокупность правил, определяющих наше будущее поведения.

---

¹³ Рамсей Ф. П. Общие пропозиции и причинность // Рамсей Ф. П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 266.

С этих позиций в текстах 1927–1929 гг. рассматривается и закон причинности, поскольку общность, присутствующая в его формулировке должна рассматриваться не как обобщение единичных суждений, а как правило для будущего поведения. При таком изменении трактовки общих суждений Рамсей отходит к тому же от классической логики, на который основывается «Трактат» и переходит на позиции финитизма и интуиционистской логики. В значительной степени на интуиционистской точке зрения основывается и трактовка Ф. П. Рамсеем структуры научной теории, где теоретические термины перестают рассматриваться как отражением некоторой реальности, но трактуются с точки зрения их квантификации в логике второго порядка, которые могут иметь различную интерпретацию, зависящую от того, каких целей мы хотим достичь.

Все эти изменения во взглядах Ф. П. Рамсея несомненно оказали влияние на Л. Витгенштейна, который в январе 1929 г. вернулся в Кэмбридж и вплоть до безвременной кончины Рамсея в январе 1930 г. имел с ним продолжительные беседы. Именно на эти беседы Витгенштейн ссылается в предисловии к «Философским исследованиям». Практическая направленность теорий, развиваемых Рамсеем, несомненно оказала влияние, но в какой степени? Оценка здесь может быть достаточно различна, вплоть до того, что именно эти идеи лежали в основании концепции следования правилу, являющейся одной из центральных в «Философских исследованиях». Вряд ли, однако, влияние было столь глобальным. При всей значимости для Рамсея прагматистской установки, он не заходил настолько далеко, что рассматривал правило как то, что создается фактом его применения, как это было у Витгенштейна. Все-таки для Рамсея правила представляют собой устойчивую теоретическую систему, которая реализуется в практическом действии, но не создается им. Это касается и трактовки вероятности, и понятия причинности. Если в данном случае и можно говорить о влиянии, то оно имеет скорее косвенный характер. Идеи Рамсея выступали в некоторой степени демонстрацией важности практического действия, побуждая к пересмотру роли философии как чисто негативного предприятия в отношении осмысления годности языка для выражения структуры социального взаимодействия.

Не умаляя возможности и важности такого влияния, представляется, что особое значение для Витгенштейна имели все-таки не отдельные идеи в рамках исследования вероятности, причинности или теорий, а особое понимание практической роли философии как таковой, которое Рамсей развивает в это время. Особое

значение здесь имеет лекция «Философия», прочитанная им в 1929 г. и сохранившаяся в архивных материалах. Неизвестно, был ли Витгенштейн знаком с этой лекцией, но очевидно, что ее содержание могло в более значительной степени оказать влияние на изменение отношения к философии, как она понималась в «Трактате». Рамсей общую установку аналитической философии на исследование языка, дополняет представлением о динамической природе такого исследования, которое значительно изменяет понимание практической ценности самой философии.

Рассмотрим важный пассаж из этой лекции. Рамсей утверждает: «Философия должна иметь какое-то применение, и мы обязаны принимать ее всерьез; она должна прояснять наши мысли и, поэтому, наши действия. Или еще, она есть предрасположенность к проверке и к исследованию того, что нечто должно обстоять так; т. е. главное положение философии состоит в том, что философия как таковая бессмысленна. И снова, мы должны принять всерьез, что она бессмысленна, а не претендовать, как Витгенштейн, что это важная бессмыслица!»¹⁴. Почему этот пассаж так важен? Здесь хотелось бы акцентировать внимание не столько на концепции мистического и невыразимого в «Трактате» Витгенштейна, где философия понимается лишь как «лестница, которую следует отбросить»¹⁵. Бессмысленность философии действительно «нужно принимать всерьез». И это вытекает из того, какую роль Рамсей отводит бессмысленности. Эта бессмысленность совсем иного рода, нежели у Витгенштейна.

Бессмысленность философии в своем понимании и важность этой бессмысленности Витгенштейн видит в том, что философию «Трактата» можно рассматривать как рецепт выхода за рамки языка. Это важный рецепт, но сам по себе он не имеет значения. Лекарство принято, терапия осуществлена, рецепт выброшен. Рецепт ничего не добавляет к рациональному знанию и практическому действию, хотя и сыграл важную роль. По поводу важности этой бессмысленности Витгенштейн говорит в своей «Лекции по этике» (1929–1930). В нашем контексте содержание этой лекции важно уже потому, что она была прочитана практически одновременно, а то и позже, бесед с Рамсеем и его лекции «Философия». Это свидетельствует о том, что Витгенштейн в данный период еще не изменил свой взгляд на практическую

¹⁴ Рамсей Ф. П. Философия // Рамсей Ф. П. Философские работы. М.: Канон+. 2011. С. 295.

¹⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 218.

роль философского исследования, и влияние Рамсея следует относить к более позднему периоду.

Непригодностью языка для выражения смысла жизни Витгенштейн заканчивает свою лекцию: «Я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного (лингвистического. — В. А.) выражения, а потому, что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т. е. *за пределы* обладающего значением языка. Мое основное стремление, да и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, — вырваться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен. Этика, поскольку она проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об абсолютно добром и абсолютно ценном, не может быть наукой. То, что она говорит, ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она все же является свидетельством определенного стремления человеческого сознания, которое я лично не могу перестать глубоко уважать и которое никогда в жизни не стану осмеивать»¹⁶. Здесь роль философии ограничивается установлением тех границ, за рамки которых вырваться невозможно. Она отмечает границы присущих практическому разуму усилий. Философия отмечает притязания достоинства человека вырваться за рамки языка. Но и в этом все. Важность философии, как это не парадоксально, заключается в том, что ничего важного сказать ведь и нельзя. Роль философии в этом смысле у Витгенштейна сугубо отрицательна.

Совсем не то мы находим у Рамсея. Философия — не важная бессмыслица. Ее бессмысленность нужно принимать всерьез. Только следует правильно понимать значение этой бессмысленности. Чем в таком случае является философия для Рамсея? Наиболее ясно об этом говорит следующий пассаж: «Логика обеспечивает тавтологиями, математика — тождествами, философия — определениями; при всей тривиальности они являются частью жизненно важной работы по прояснению и организации нашей мысли»¹⁷. Этот пассаж перекликается с «Трактатом» Витгенштейна относительно природы логики и математики, но совершенно отличается в понимании философии. В «Трактате» логические тавтологии и математические тождества бессмыс-

¹⁶ Витгенштейн Л. Лекция об этике // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+. 2009. С. 341–342.

¹⁷ Рамсей Ф. П. Философия // Там же. С. 296.

ленны в силу того, что они ничего не говорят о мире, но только показывают его структуру. Демонстрация структуры мира через выяснение структуры языка — это уже не мало, если не самое основное, поскольку за рамки, установленные логикой языка, выйти не возможно. Тем самым, демонстрируется граница языка и граница выраженного в нем мира. Философия же бессмысленна потому, что она пытается говорить о том, что или показано всеобщей и необходимой природой знаков, или превосходит выразительные возможности языка. И в том, и в другом случае она в буквальном смысле бессмысленна, хотя и претендует на важность своей бессмысленности. <...>

Подобному динамическому подходу Рамсей противопоставляет позицию Витгенштейна в «Трактате»: «Главную опасность для нашей философии, помимо лени и расплывчатости, представляет *схоластика*, сущность которой состоит в том, чтобы трактовать то, что является смутным, так, как если бы оно было ясным, и пытаться подвести его под точную логическую категорию. Типичным примером схоластики является точка зрения Витгенштейна на то, что все наши повседневные пропозиции в совершенном порядке и что невозможно мыслить нелогично»¹⁸. Однозначное установление структуры языка, т. е. предприятие «Трактата» как раз и не устраивает Рамсея в том отношении, что выраженная в нем позиция схоластична, что выражается в стремлении к однозначному установлению структуры языка, а тем самым и мира, что достигается опять-таки однозначным установлением логических категорий и типов соответствующих им объектов. Следствием такой схоластичности является представление о философии как о бессмысленном в принципе занятии, поскольку, действительно, что еще нужно, раз уж окончательно выяснено, что сказать можно, а чего нельзя.

Тем не менее, достоинство в философской деятельности есть, и не только в смысле придания ей важной бессмыслицы. Придать значение философии, т. е. принять ее всерьез, с точки зрения Рамсея, значит придать ей характер проясняющих определений, через анализ употребления понятий и терминов в различных, возможно, бесконечных контекстах употребления. И совсем необязательно, чтобы разные способы употребления сохраняли для понятия или термина одну и ту же категорию. Стало быть, философия оказывает проясняющее воздействие на структуру языка, а тем самым и практического действия в мире. По сути дела, мысль Рамсея сводится к тому, что определения возможны

¹⁸ Там же. С. 302.

как описания наиболее общего способа употребления терминов. Эти определения, в принципе, оправдывают достоинство философии как самостоятельной области знания, имеющей свой способ аргументации, о котором «разумеется, нам не следует говорить как о доказательстве в строгом смысле, но в философии есть процесс, аналогичный “линейному выводу”, при котором вещи постепенно приобретают ясность»¹⁹.

Подобное понимание практической цели философии как деятельности по прояснению системы терминов через продолжающееся конструирование системы когерентных определений более вероятно оказало влияние на трансформацию идей Витгенштейна. Во всяком случае, это явно прослеживается в концепции языкового значения как употребления, первоначально представленной Витгенштейном в «Голубой и коричневой книгах». Влияние, о котором говорится в «Философских исследованиях», скорее оказала именно общая установка Ф. П. Рамсея на практическое значение философии, чем производные от нее частные идеи.

Трактовка Ф. П. Рамсеем философии как «по существу системы определений» или «системы того, как можно дать определения»²⁰ имеет, конечно, гораздо больший смысл, нежели просто как предмет несогласия с Л. Витгенштейном. Важную роль здесь играет прагматистская концепция Ч. С. Пирса, концептуальный анализ Дж. Э. Мура и теория дескрипций Б. Рассела. Все эти концепции в разной степени связаны с точкой зрения Рамсея. Но это уже предмет другого исследования.

Л. Витгенштейн об экстенциональных функциях Ф. П. Рамсея

Темой данной статьи являются критические замечания, высказанные Витгенштейном по поводу предложений Ф. П. Рамсея, и ответы последнего на некоторые из них. Это позволяет точнее прояснить смысл экстенциональных функций и модификаций, предлагаемых Рамсеем в основаниях математики. С идеей экстенциональных функций (*function in extension*) Витгенштейн ознакомился через Шлика, который передал ему статью Рамсея «Основания математики» и попросил высказать свое мнение. Витгенштейн выразил свое несогласие и через Шлика передал

¹⁹ Там же. С. 301.

²⁰ Там же. С. 295.